

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
д. филос. наук, проф. Лифинцевой Татьяны Петровны
на диссертацию Корякина Сергея Сергеевича
«ТРАДИЦИОННАЯ ПРОТЕСТАНТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСКУПЛЕНИЯ
И ЕЕ ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КРИТИКА»,
на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09.00.14 – «Философия религии и религиоведение»

Вниманию экспертов и читателей представлено, на наш взгляд, самостоятельное и серьёзное исследование в области философии религии и теологии – диссертация Сергея Сергеевича Корякина «Традиционная протестантская теория искупления и её внутриконфессиональная критика». Автором освоен большой корпус источников и исследовательской литературы (последняя часто, если говорить о современных протестантских теологах, является одновременно также источниками). Таким образом, исследовательская задача С. С. Корякина довольно смелая – его собственная мета-позиция исследователя становится вместе с тем и позицией философа религии и богослова, выстраивающего собственное видение через призму анализа вполне обоснованно выделенной им «нити» философской и теологической традиции и современности. Диссертант, на наш взгляд, с этой задачей очень достойно справился.

Доктрину искупления С. С. Корякин рассматривает через Схоластическую и Патристическую традиции, показывая, таким образом, глубинную преемственность по отношению к ним протестантской теологии (как «первоначальной», так и современной. В Гл. I автор прослеживает историю учений об искуплении и наказании как «удовлетворении (satisfactio) за грех справедливостью» – через учения Ансельма Кентерберрийского, Петра Абеляра, Гуго Сен-Викторского, Петра

Ломбардского, Фомы Аквинского... «Подобное понимание искупления, – как верно замечает автор диссертации, – является результатом прочтения Библейских текстов через культурно-историческую призму юридических категорий западной судебной-правовой системы». (с. 6) Здесь сам собой возникает вопрос: а почему понимание искупления как «удовлетворения» и «заместительного наказания» не возникло, не прижилось (и не могло прижиться) в Восточно-Христианской традиции? Интуитивно мы все это понимаем, но хотелось бы в диссертации увидеть объяснение, хотя бы короткое – сноску, допустим. Диссертация от этого очень выиграла бы, утратив некую «герметичность» и хотя бы схематично очертив одну из возможностей диалога Западной и Восточной Христианских церквей. Да, конечно, в названии заявлена «внутриконфессиональная критика». Это, собственно, замечание-пожелание: надеюсь, в своих будущих исследованиях Сергей Сергеевич затронет эту тему. Разумеется, рецепция Западно-Христианской теологической традиции современной Восточно-Христианской (Православной, в частности) традицией – очень важная тема. Я не рискую рекомендовать автору диссертации труды на эту тему современных отечественных исследователей, философов религии и богословов – это вопрос его собственных предпочтений, но что касается «классики»... Мне кажется, книгу Л. П. Карсавина «Культура Средних Веков», где многие главы посвящены как раз «персонажам» диссертации С. С. Корякина – в частности, в главе об Ансельме Кентерберрийском много говорится именно о концепции «удовлетворения справедливостью» – автору диссертации следовало бы прочесть и о ней сказать.

Одна из важнейших тем, сквозная тема в диссертации – это герменевтика и экзегетика, проблема истолкования Библейских образов и метафор. Проблема интерпретации понятий, образов и метафор в Христианстве существовала изначально. В Средневековье (как в Патристике, так и в Схоластике), признававшем начало по Слову, экзегетика и

совпадавшая с ней герменевтика были призваны стать не просто ведущим искусством в переводе сакрального (Библейского) текста на язык мирской мудрости и в практике комментирования трудностей, возникающих при решении логико-грамматических и философских проблем, но и учением о бытии, онтологией. Уже в первых богословских школах начала нашей эры, как мы помним, зарождаются различные направления герменевтики: александрийская школа тяготела к аллегорическому истолкованию Писания, антиохийская – к буквально-историческому. Как правило, аллегорическое толкование предполагало и исторический, и мистический, и топологический смыслы, т.е. подчёркивало многосмысленность слов и выражений в противовес направлению, допускавшему лишь один определённый смысл. При буквальной интерпретации слово, как подлежащий истолкованию знак, теснейшим образом связано с вещью. Именно эти «вещные» отношения вскрываются интерпретатором, который ни в коем случае не может выйти за рамки этих отношений. При аллегорической интерпретации слово указывает скорее на интенции, желания, представления говорящего, поэтому интерпретация более свободна: она предполагает желание говорящего вложить в слова разные смыслы. Ко времени зрелой схоластики, как мы знаем, упрочились пять способов толкования Священного Писания: 1) исторический, или буквальный, исходящий из прямого значения слов; 2) аллегорический, 3) символический, 4) тропологический, исходящие из многозначности слов, их готовности к обретению новых смыслов; 5) аналогический, относящийся к предметам «Вечной Славы» (Божественным предметам). Такого рода многозначность основывалась на особом строе мышления, предполагавшего, что любое, самое точное слово перед лицом Божественной полноты есть иносказание, брошенное слово, никогда не совпадающее с Истиной.

Что касается Лютера, отца протестантской теологии, то его теология — это «теология Слова». «Вера от слышания, а слышание — от слова Божия» (Рим. 10:17) — эти слова ап. Павла обрели центральное место в идеологии

Реформации. Божественное Слово, создающее веру, одновременно выступало как основа теологии. Конечно, и раньше, особенно в оккамистской традиции (в которой Лютер был воспитан) также подчеркивали авторитет Писания, но когда Лютер говорил о Писании как о Божественном Слове, пришедшем через пророков и апостолов, в этих словах заложено новое убеждение в первичном значении Слова и в его непререкаемом авторитете. Лютер отверг вложившееся в средние века разнообразие толкований Священного Писания (историческое, аллегорическое, символическое, тропологическое, аналогическое); для него Писание имело единственный, изначальный и подлинный смысл, грамматический или исторический. Он учитывал также и образное толкование, но оно имело для него второстепенное значение, скорее как украшение библейского повествования. Согласно взглядам Лютера, Библию можно понять исходя из нее самой, она может толковать саму себя. Пояснения Предания или церковных учителей не являются (как считали католические теологи) необходимым условием правильного понимания ее содержания. Само Слово обладает «внешней ясностью». В этом также состоит причина того, что Писание без добавления человеческих заповедей и мнений может быть единственным основанием веры. Для теологии Реформации характерно, что Слово становится главным не только как источник понимания сверхъестественной реальности, но также как действенное, творящее и животворящее Слово, через которое Бог судит и исправляет. Вера относится, по мнению Лютера, к самому Слову, а не только к метафизической реальности, стоящей за ним. В этом заключалось основное противоречие между теологией Реформации и Схоластики. Однако лютеранское учение о «заместительном наказании» выбивается из этой *Via Regia*. С. С. Корякин верно замечает: «Для теории заместительного наказания характерно прочтение ключевых библейских понятий, лежащих в основе христианской доктрины искупления, через призму культурно-обусловленной западной судебной-правовой системы. Рассмотрение этих понятий с учетом еврейской традиции, отраженной в библейских текстах, наделяет эти понятия

иными смыслами и уже не позволяет им быть надежной опорой для теории заместительного наказания. Современные исследования метафорической природы библейского языка показали, что в теории заместительного наказания судебные метафоры подчиняют себе все прочие новозаветные метафоры искупления, делая их частью юридического понимания взаимоотношений Бога и человека». (с. 17) Юридическое, судебно-правовое, «законническое» истолкование Библейских образов и метафор искупления мы видим у Ж. Кальвина. С. С. Корякин пишет: «У Ж. Кальвина мы видим не только характерное использование юридических терминов (справедливость, наказание, замещение, поручительство и др.), но также подчинение библейских метафор и понятий жертвы, выкупа, победы, замещения, умилоствления, гнева и др. одной идее удовлетворения Божьей справедливости. После Ж. Кальвина точно такая же тенденция прослеживается в трудах последователей Реформаторов, а также вероучительных текстах протестантской традиции» (с. 84)

С. С. Корякин показывает, многие современные протестантские теологи и философы религии отказываются от «юридической» интерпретации Библейских метафор искупления и возвращаются к Патристической традиции. В качестве «ключевыми» для рассмотрения этого «перелома» он выбирает труды Густава Аулена – вполне обоснованно, на наш взгляд. Автор диссертации пишет: «Современные исследователи убеждены в том, что понятия «праведность/справедливость», «умилоствление», «Божий гнев», «грех», «наказание», являющиеся ключевыми для понимания теории заместительного наказания, должны быть рассмотрены не через призму западной судебно-правовой системы — преемницы греко-римской культуры, — но в контексте еврейской традиции времени написания библейских текстов. Тогда вышеуказанные понятия обретают свой изначальный смысл, который уже не позволяет им служить опорой для теории заместительного наказания». (с. 142)

Такая герменевтическая стратегия в Протестантской теологии, разумеется, не единственная: существовала и существует противоположная – в духе стратегии «демифологизации», родоначальником которой считается Рудольф Бультманн (1884-1976). Проблема действительно очень сложна. Говоря, например, о двух природах Христа – божественной и человеческой, о Святом Духе, о Святой Троице, мы не всегда осознаём, что в эпоху Патристики, когда формировалась догматика христианского вероучения, представления о том, что такое «человек», «космос», «природа», «душа», «дух», «грехопадение», «искупление», «наказание» и т.д. очень сильно отличались от современных. Стремясь с помощью богословских понятий выразить открывшийся им смысл Боговоплощения и явления Христа как переломного момента в отношениях между Богом и миром, Отцы церкви с неизбежностью должны были пользоваться тем единственным «понятийным аппаратом», который был им доступен – материалом греческой философии. И уже тогда ощущалась нехватка «языковых средств». (Л. П. Карсавин, например, писал о том, что на Западе долгое время просто не могли понять ведущихся на Востоке тринитарных споров только потому, что греческие понятия «ипостась» (ὕποστασις) и «сущность» (οὐσία) (в секулярном языке очень близкие по смыслу) переводились на латынь одним и тем же словом «субстанция».) А в нашу эпоху, когда опыт истории и опыт самых разных наук (философии, истории религий, психологии, астрономии, биологии, антропологии и т.д.), а также литературы и искусства полностью изменили наше представление о мире и о самих себе (как и сам мир), не хватает уже и «средств» греческого языка. Возможно, кризис христианства XX и начала XXI вв связан, помимо прочего, и с тем, что о проблемах современного человека и мира трудно говорить на языке греческой философии IV в. н.э. Христианский ответ на вызов культурного кризиса, выраженный языком Патристики, едва ли может быть адекватно понят современным человеком, мировоззрение которого сформировано в эпоху секуляризации. Понимая это, многие западные христианские теологи XX в. (Д. Бонхёффер, Р. Бультманн,

Т. Альтицер, Х. Кокс, У. Гамильтон, П. Тейяр де Шарден и многие другие) ставили перед собой задачу «реинтерпретировать» христианскую Весть (керигму) так, чтобы она стала понятна скептически настроенному современному человеку. Один из важнейших вопросов религиозной философии и теологии XX века состоит в том, может ли философия быть «секулярным» изложением Новозаветной доктрины или даже (в предельном варианте): может ли философия заменить собой теологию и религию? В протестантской теологии в 30-е годы XX века эта тема получила название «демифологизации» христианства. В большей или меньшей степени к ней обращались Р. Бультманн, П. Тиллих, братья Райнхольд и Ричард Нибуры, Ф. Гогартен, Э. Бруннер, Г. Мерц, Э. Тургейзен, Ф. Делекат, Г. Книттермейстер, и многие другие. Были сторонники (Р. Бультманн, П. Тиллих) и ярые противники (К. Барт, Э. Бруннер). Пауль Тиллих, например, использовал как понятия классической и постклассической европейской философии, так и традиционные христианские термины, придавая им несколько нетрадиционный символический смысл – «забота», «страх», «тревога», «бытие-к-смерти», «отчуждение», «Само-Бытие», «кайрос», «логос», «теономия», «хаос», «хюбрис» и др. Рудольф Бультманн видел одну из причин упадка современного христианства в том, что мыслящий человек нашего времени, даже если он готов принять Христа как Спасителя, не может, оставаясь искренним перед самим собой, буквально воспринимать мифологические обстоятельства истории спасения: искупление, спасение, Боговоплощение, воскресение, грехопадение, наказание т.д. Поэтому Бультманн предпринял попытку истолковать спасение, принесённое Христом, без использования «мифологических» терминов. Бультманн полагал, что Евангелия «скрывают», что человек поставлен между двумя возможностями существования — аутентичного (eigentlich) и неаутентичного (uneigentlich) — вслед за Хайдеггером. В своей аутентичности человек поставлен лицом к лицу с границей человеческого существования и главным образом — собственной смертностью; неаутентичное же существование предполагает,

что человек прячется от “страха” и “заботы” и потому становится их жертвой. Резкие возражения теологов-традиционалистов Бультманну доходили до обвинений в том, что он превращает Христа просто в ... предшественника Хайдеггера.

Это было небольшое отступление, вернёмся непосредственно к диссертации С. С. Корякина. Стратегию *Christus Victor* в современной протестантской теологии (Р. Жирар, Д. Рэй, Д. Уивер, Т. Фингер, Г. Бойд и др.) автор диссертации правомерно считает обретением некоего «спасительного» синтеза и вместе с тем возвращением к истокам Христианства в современном протестантизме. С. С. Корякин в «Заключении» верно отмечает: «Очевидно, что пройдя долгий путь исканий, западные исследователи возвращаются к истинному смыслу новозаветного учения об искуплении и его экспликации в Патристической традиции. Хочется надеяться, что эта тенденция послужит постепенному сближению вероучительных парадигм различных христианских конфессий». (с. 216) Несомненно, данное диссертационное исследование являет собой определённый вклад в направлении этого сближения. Хочется надеяться, что в дальнейших исследованиях автор займётся как раз исследованием возможности такого сближения через возвращение Восточно-Христианской и Протестантской традиций к Патристике. Искренне желаем ему в этом удачи.

Диссертационная работа Корякина Сергея Сергеевича Корякина «Традиционная протестантская теория искупления и её внутриконфессиональная критика», вне сомнения, соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 – «Философия религии и религиоведение».

Профессор Школы философии
федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский
университет – Высшая школа экономики»,
доктор философских наук,
доцент

Лифинцева Татьяна Петровна

«31» марта 2017 г.

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРАМ

Исхакова Л.К.

